

18+

Аннабель Стар

МИР БЕЗ МЕНЯ
НЕ РУХНЕТ

Роман-автофикшн

Аннабель Стар
Мир без меня не рухнет.
Роман-автофикшн

<https://litres.ru/74590512>

ISBN 9785007143462

Аннотация

Как далеко может зайти женщина в попытке быть идеальной? Обычная провинциальная семья медленно превращается в поле боя, где главным врагом становится собственный перфекционизм. Вместе с героиней читателю предстоит пройти через больничные коридоры и процедуры, историю знакомства с будущим мужем, ловушки психологов и пугающие лабиринты подсознания. Чтобы совершить главное открытие: мир без нас не рухнет. Жизнь может заставить ослепнуть, чтобы наконец-то обрести зрячее сердце.

Содержание

Вместо предисловия	5
Пролог	7
Декабрь 2020	8
Часть 1. Точка кипения	12
Глава 1	12
Март 2026	12
Август 2022 год	17
Глава 2	23
Март 2026	23
Апрель, 2022	26
Глава 3	34
Апрель 2026	34
Июль 2019 год	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Мир без меня не рухнет

Роман-автофикшн

Аннабель Стар

© Аннабель Стар, 2026

ISBN 978-5-0071-4346-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Перед тем как вы начнёте читать эту историю, я хочу рассказать вам о её происхождении.

Имя на обложке — Аннабель Стар — творческий псевдоним, бережно сотканный из моих родовых корней. Чтобы защитить частную жизнь тех, кого я люблю, имена героев на страницах романа тоже изменены. Но я даю вам своё честное слово: всё, что вы здесь прочитаете, — моя чистая, оголённая правда. В ней нет ни капли вымысла. Каждая слеза, каждый крик и каждое слово — настоящие.

Эта книга родилась в жанре автофикшна для того, чтобы протянуть руку помощи каждой женщине, которая прямо сейчас заперта в своём тягостном капкане перфекционизма. Современный мир и социальные сети диктуют жёсткие правила: мы обязаны ежедневно совершать подвиги. Нужно оставаться идеальной дочерью и заботливой подругой, безупречно выглядеть, думать о других и чувствовать только то, что «правильно». От нас ждут стопроцентной отдачи на работе, порядка дома и статуса лучшей в мире жены и мамы. И всё это — без права на ошибку.

Я тоже долго играла в эту игру. Внутри меня правил упрямый Дракон Контроля, заставляющий меня цепляться за иллюзию недостижимой планки идеальности и крепко держать за горло мой хрупкий мир, чтобы без моего надзо-

ра он не рухнул. Пока однажды моё тело не выставило мне страшный счёт. Чтобы спасти мою душу, Вселенная принудительно уложила меня на больничную койку и устроила перезагрузку всей моей семье.

Эта история о том, как больно и тяжело умирает роль Спасателя, и как на её обломках рождается принятие этой сложной жизни во всей её несовершенной красе.

Я прошла этот путь. И хочу, чтобы моя история помогла и вам стать наконец-то более бережными и нежными к самим себе.

Пролог

Декабрь 2020

Я стою перед большим зеркалом в своей когда-то детской комнате в квартире у родителей и заворожённо смотрю на собственное отражение.

В белом, изящном свадебном платье с тонкими кружевными рукавами и открытыми плечами, обнажающими хрупкие ключицы. С аккуратно заколотыми на макушке ярко-рыжими волосами и тонкими, выющимися, выпущенными по бокам от лица волнистыми прядями локонов. С профессиональным макияжем от визажиста, который в эту минуту, кажется, мне слишком ярким для моего нежного образа. И с длинной, гладкой белоснежной фатой.

Я всматриваюсь в зеркало и растерянно думаю: «Неужели этот день и правда настал? Я невеста. И очень скоро стану законной женой. Я выхожу замуж. По-настоящему».

Заключение официального брака всегда имело для меня огромное, сакральное значение. Этот серьёзный шаг предполагал мою полную, безоговорочную уверенность в том, что я искренне готова провести всю оставшуюся жизнь рядом с этим конкретным человеком. От такого осознания внутри всё трепетало от сладкого, пугающего волнения.

Рядом в комнате суетливо крутились родители, шумно выполняя последние бытовые приготовления перед нашим выходом. Я шагнула в прихожую и взяла в руки телефон, на

который пришло короткое уведомление.

— Пора выходить, — громко сказала я вглубь квартиры.
— Игорь уже приехал. Фотограф тоже на месте, ждут у подъезда.

— Сейчас, сейчас, доченька, осталось только обуться! — торопливо отозвалась из спальни мама.

— Ну что, дамы, готовы? — ласково спросил папа, уже стоя обутый на пороге и с нескрываемой отцовской гордостью глядя на меня.

— Готова... — выдохнула я, накидывая на плечи лёгкую норковую шубу. — Ох, как сердечко-то бешено стучит!

— А Игорь то не боится, что ты опять сбежишь из-под венца? — с улыбкой спросила мама, пока мы спускались по широкой лестнице старого подъезда. — Он же знает твою прошлую историю?

— Знает, — серьёзно ответила я. А через секунду иронично добавила: — Но он этого ни капли не боится. Хотя, конечно, перед свадьбой уже успел пару раз подшутить надо мной на эту тему.

Мы остановились перед тяжёлой входной дверью подъезда. Я взяла папу под руку, мама послушно встала чуть позади нас. Сделав глубокий вдох, я нажала на кнопку домофона, папа толкнул рукой металлическую дверь, и мы вышли на крыльцо.

Всего в трёх метрах от нас, прямо у входа, стояла припаркованная тёмно-синяя «Шкода», взятая нами в аренду

вместе с водителем и скромно украшенная одной праздничной ленточкой на капоте. Перед машиной неподвижно стоял Игорь — заметно похудевший со дня нашей первой встречи, с гладковыбритым, серьёзным лицом. Он был в тёмном бордово-фиолетовом костюме из ткани-хамелеона, которая едва заметно меняла цвет под разными углами освещения. В руках жених бережно держал аккуратный букет из белых и голубых цветов, перевязанных синей атласной лентой, а на лацкане пиджака красовалась миниатюрная бутоньерка в том же стиле.

Увидев нас на пороге, Игорь замер и восхищённо оглядел меня.

По моей настойчивой просьбе в ночь перед свадьбой мы ночевали раздельно. Я принципиально не показывала ему купленное мной платье и больше всего на свете хотела, чтобы он впервые увидел меня в этом свадебном образе именно здесь — на пороге моего отчего дома.

Затаив дыхание, медленно ведóмая папой вниз по ступенькам, я двинулась ему навстречу, неотрывно, жадно вглядываясь в глаза своему возлюбленному. И с внезапно разливающейся по всему телу щемящей теплотой я первый раз увидела, как в этих больших глазах вдруг проступили настоящие слёзы.

«Мне незачем, абсолютно незачем сбегать от него, — оглушительно пронеслось в моей голове, пока я делала эти шаги по снегу. — Во мне нет больше ни единой капли со-

мнений. Я твёрдо намерена провести всю свою оставшуюся жизнь только рядом с этим мужчиной!».

С нашей самой первой встречи я всем своим нутром отчётливо чувствовала: это не просто влюблённость. Это — моя судьба!

Часть 1. Точка кипения

Глава 1

Март 2026

Утро понедельника, как и любого другого дня, начинается для меня не с кофе, а со стакана горячей воды пятидесяти градусов. Я специально купила чайник с возможностью нагрева до нужной температуры. Чтобы горячей водой пробудить спящий после ночи желудок, запустить желчеотток и включить пищеварение. Здоровый ЖКТ — основа здоровья, я усвоила это после многолетнего погружения в темы правильного питания.

В это время я достаю из холодильника баночку йогурта и кладу её на батарею. После выпитого стакана воды и проверки в телефоне сообщений с вечера я иду будить старшую дочь, отношу её в зал, включаю мультики, даю йогурт с батареи, трубочку и отправляюсь умываться и надевать линзы для глаз.

Алине три с половиной года. Несмотря на то что она ходит в сад уже почти полгода, она никак не может смириться с расставанием со мной на большую часть дня и необходи-

мостью соблюдать правила, установленные в группе.

Сборы всегда проходят нервно: с уговорами, поторапливаниями и слезами. В это же время я поднимаю младшую дочь Нику. Ей год и один месяц. В качестве завтрака я даю ей грудь. Грудное вскармливание — очень важная для меня составляющая материнства.

Изучив значимость длительного ГВ, я намерена сохранять его до тех пор, пока ребёнок не будет психологически готов от него отлучиться. Несмотря на то, что первый год у Ники была сильнейшая аллергия почти на все продукты, и я несколько месяцев держала строжайшую диету.

Затем в суетной спешке я надеваю на девчонок верхнюю одежду и обувь, сажаю Нику в коляску, и мы бежим в детский сад, как обычно, сильно опаздывая. Там я переодеваю Алину и, поцеловав, отправляю в группу. А точнее — её отрывают от меня воспитатели под слёзы и вопли: «Мама, не уходи!».

С тяжёлым сердцем я вместе с младшей возвращаюсь домой. И начинаю ломать голову, чем же её накормить. К кашам она охладела, яйца тоже не особо жалует, молочку я всё ещё ввожу с большой осторожностью. В общем, задача та ещё.

А хочется ведь не просто накормить, а обеспечить полезный, правильный приём пищи. Завтрак желательно делать белковым. Но каждый день давать творожки тоже не вариант. Куда с бóльшим энтузиазмом она предпочитает углеводные сладкие блинчики, оладушки и печенье.

Когда какой-никакой приём пищи организован, ребёнок усажен в детский стульчик и сосредоточенно копается в предложенной еде, наконец настаёт время для кофе. Эти десять минут спокойствия и удовольствия от ароматного, горячего напитка — моя любимая часть дня.

Выпив кофе и умыв целиком измазанную Нику, я заваливаюсь на диван в зале, включаю сериал и понимаю, что совершенно ничего больше не хочу делать. Невыспавшаяся, уже уставшая от утренних нервных сборов и дороги до сада и обратно, я пытаюсь просто отдохнуть.

Внутренний критик в это время тихонько подгрызает меня чувством вины. Ведь в доме жуткий беспорядок: на кухне горы немытой посуды, в ванной кучи нестираного белья, по всему полу крошки, а по мебели — пятна от еды.

Но второй голос внутри пытается успокоить первого тем, что к себе надо относиться бережно, с любовью и милосердием. И раз моё тело сейчас хочет просто лежать, значит, лучше дать ему эту возможность восстановить силы.

Кто из них громче, я не знаю. Они попеременно забирают себе главную партию, терзая меня эмоциональными качелями.

Периодически подходит Ника, берёт меня за руку и тянет показать, что ей нужно. Я послушно выполняю её команды. Затем снова на короткое время её устраивает, что я просто нахожусь в поле видимости и подкидываю ей какие-то игрушки в перерывах между её изучением содержимого шка-

фов и полок.

После пары часов такой прокрастинации я всё же заставляю себя взяться за дела. И тогда начинается мой излюбленный марафон лавирования между бытовыми обязанностями и требованиями дочки. Короткими набегам я пытаюсь сделать хоть что-то по дому, постоянно отвлекаясь на её капризы. За глобальные дела браться даже не пытаюсь — всё равно Ника не даст мне ничего довести до конца нормально.

Около пяти часов вечера мы идём забирать Алину. По дороге домой у неё начинается бурный выплеск эмоций, которые она накопила за время пребывания в группе. Требования сладостей прямо здесь и сейчас или непреодолимое желание ехать домой у меня на ручках — и это несмотря на то, что мне нужно как-то везти тяжёлую коляску в гору по вязкому снегу. После очередной истерики мы, наконец, заходим домой.

Я пытаюсь накормить Алину. В саду она не ест совсем ничего, кроме хлеба и «Снежка» на полдник. Судьба наградила меня семьёй, в которой у половины её членов с едой особые, сложные отношения. Поэтому чтобы всех накормить, приходится либо готовить несколько блюд одновременно, либо подбирать такие рецепты, которые смогут поесть абсолютно все. А таких вариантов, к сожалению, можно пересчитать по пальцам одной руки.

Вечер проходит в тех же бесплодных попытках разорваться между своими делами и детьми.

В десять часов уставший приходит с дневной смены муж. Я только вытаскиваю в это время девчонок из ванны, надеваю на них пижамы, и они с визгом бегут атаковать папу. Затем накладываю ему ужин и он садится есть, а в это время к нему подбегает то старшая, начиная громко что-то рассказывать, то младшая, настойчиво выпрашивая еду прямо из его тарелки.

Тут же Алина внезапно выдаёт, что снова проголодалась. Я перебираю варианты, что могу предложить — ей всё не то. Она начинает капризно подвывать.

Игорь не выдерживает и раздражённо кричит:

— Да дайте, вы уже мне поесть спокойно!

— Не ори на детей! — мгновенно вспыхиваю я.

— А как тут не орать, если я пришёл домой голодный, уставший, а мне даже поесть нормально не дают?!

— Я так живу всё время, представь себе! — отрезаю я. — Дети не видели тебя весь день, соскучились, хотят провести с тобой время, а в ответ получают крики и «иди отсюда»!

Он угрюмо молчит и продолжает есть. В душе у меня в это время разворачивается настоящая драма отчаяния и разочарования. Не о такой семье я мечтала в юности, не так я себе представляла будущее, когда связывала свою жизнь узами брака с этим человеком.

А ведь когда-то он казался мне лучшим мужчиной на свете...

Август 2022 год

Я на тридцать девятой неделе беременности. Мы с Игорем поехали на дачу к моим родителям. Стояла солнечная, тёплая погода, и я решила последние деньки своей свободы от обязанностей материнства провести на свежем воздухе, без домашних забот — слушая пение птиц и греясь на солнышке.

Игорь пожарил шашлык, мы с мамой сделали овощной салат и сварили молодую картошку. Сидели за столом на большой веранде и неспешно разговаривали.

— Я рассказала подружкам, что уехала на дачу, так они удивляются моей смелости — отправляться за город на таком сроке, — с усмешкой сказала я.

— Да чего бояться? В крайнем случае могу и я у тебя роды принять, — ответила мама с улыбкой. — Тебя ведь мы с папой дома сами рожали.

— Ну уж нет, спасибо! — рассмеялась я. — Я предпочту рожать в подходящих условиях и рядом с профессиональными врачами.

— А партнёрские роды вы не рассматриваете? — поинтересовалась мама. — Мне в своё время папина поддержка очень помогала.

— Нет. Я считаю, Игорю там делать совершенно нечего.

— Да я и сам бы ни за что не пошёл! — вставил Игорь.

— Я лучше денег заплачу, чтобы всё было организовано как надо.

— Ну и зря, совместные роды открывают совершенно новый уровень близости. — сказала мама.

Я на секунду закатила глаза.

— В любом случае я не думаю, что рожу в ближайшие дни, — уверенно подытожила я. — Мне ещё неделю точно ходить. Вряд ли дочка попросится наружу раньше срока.

Мы ночевали не в основном доме, где спали родители, а в уютной гостевой спальне, которая находилась в одном домике с баней. Подготовились ко сну и легли в постель. Игорь начал свои привычные любовные заигрывания, и мы занялись нежной близостью. Несмотря на огромный живот, он продолжал видеть во мне привлекательную женщину, и его желание никогда не угасало. Мне всегда безумно нравилось, какими глазами он на меня смотрит. Я оставалась для него красивой в любом весе, в любом виде. И именно это научило меня саму смотреть на себя без постоянной, удушающей критики за каждую не идеальность.

На следующий день мы вернулись домой под вечер, поужинали и вскоре легли спать. В полшестого утра я проснулась от странных, тянущих ощущений в животе. Сходила в туалет, потом долго крутилась в постели, принимала разные позы и пыталась понять: тренировочные это схватки или нет. Проснулся Игорь. Он озадаченно наблюдал за моими манёв-

рами и постоянно спрашивал: «Ну что? Ну что там?».

Вскоре стало окончательно понятно: это явно начало процесса.

— Едем в роддом! Быстро собирайся! — скомандовал он.

Но вместо того чтобы бежать одеваться, я помыла голову, сходила в душ и суматошно пыталась доделать то, что планировала успеть до родов. Мне было жизненно необходимо сменить постельное бельё, закинуть покрывало и плед в стирку, натереть до блеска зеркала — чтобы малышка приехала в абсолютно свежий, безупречно чистый дом. Схватки становились всё сильнее, накатывали жёсткими волнами. Я останавливалась, замирала, облокотившись на стену и тяжело дыша, переживала, пока отпустит. Муж не выдержал и раздражённо прикрикнул, чтобы я немедленно бросала всё и одевалась.

В роддоме после осмотра дежурный врач констатировал: процесс в самом разгаре. Пока меня оформляли в приёмном покое, я торопливо выдавала Игорю последние инструкции по поводу того, что ещё необходимо домыть и доделать дома, и какие именно вещи мне нужно будет довести позже. Он явно нервничал. Я видела, как сильно он переживает за меня, хоть и старается держать себя в руках.

В родовом отделении мне стало уже не до мыслей о муже. Началась та самая изнурительная стадия, когда раскрытие близится к максимальному, а схватки становятся частыми и

невыносимо сильными.

Я готовилась к этим родам со всей возможной тщательностью. Читала умные книги, проходила онлайн-курсы подготовки, до автоматизма тренировала правильное дыхание и облегчающие боль позы. Мне было крайне важно, чтобы всё прошло по моему идеальному сценарию: без лишних медицинских вмешательств и обязательно с возможностью сразу же, в первую минуту, приложить ребёнка к груди.

В перерывах между накатами схваток я крутила бёдрами на фитболе, чувствуя, как постепенно проваливаюсь в какой-то тягучий, плотный транс, в котором вся моя вселенная сузилась до этого процесса. Весь мир вокруг просто перестал существовать.

И вот настал самый важный момент. На потугах врач нахмурилась и отметила, что они слабоваты, и скомандовала медсестре:

— Ставьте окситоцин.

Сквозь тяжёлую пелену транса я попыталась возмущённо возразить:

— Зачем это?! Я справлюсь сама!

— Я здесь врач, и мне виднее, — твёрдо, но удивительно заботливо отрезала она.

Её тон заставил меня довериться. С окситоцином потуги заметно усилились, и вскоре на свет появилась моя малышка. Сквозь шум в ушах я услышала, как врач спокойно сказала что-то про обвитие. Пока девочку клали мне на грудь, я

успела заметить, что кожа у неё слегка фиолетового оттенка. Я испуганно опустила руку на её мокрую спинку и крошечную головку и начала тревожно восклицать:

— Почему она молчит?! Почему не кричит?!

— Всё нормально, мамочка, сейчас задышит, — ответила акушерка.

И вот раздался этот невероятный, навсегда пронзивший моё сердце звук — её ворчание. Она не кричала и не плакала, а только тихонько кряхтела и всхлипывала. Я смотрела на её головку, лежащую на моей груди, и чувствовала себя самым счастливым человеком на планете. Слёзы ручьём катились из глаз. Моё чудо появилось на свет. Я мама!

Вскоре её забрали, чтобы взвесить, измерить рост и запеленать. Укутанную куколку положили в прозрачную пластиковую колыбель на расстоянии метра от меня. Я тут же начала просить, чтобы мне дали её обратно в руки, я хотела немедленно приложить к груди.

— Да подождите вы немного, в себя хоть придите сначала, — добродушно ворчала медсестра. — Всё равно она сразу грудь не возьмёт.

«Много они понимают, — упрямо думала я. — Ребёнка надо первый час оставлять с матерью, чтобы дать ему базовое чувство безопасности и связи».

Медсестра спросила:

— Хотите, я её сфотографирую пока?

И, не дожидаясь ответа, взяла с кушетки мой телефон и

начала бережно щёлкать младенца. Только тогда я вспомнила, что всё это время мобильный лежал рядом, но мне ни разу не пришлось в голову его взять.

В это время меня осмотрели, провели все необходимые после родов процедуры и наконец-то передали мне дочь. Я сразу стала пытаться дать ей грудь, вспоминая все те изученные инструкции о правильном прикладывании. Но, к моему огромному разочарованию, дочка лишь лениво почмокала губами возле соска, так и не присосавшись. Пришедший к тому времени детский врач успокоила меня: это абсолютно нормально, чуть позже всё обязательно получится. Я держала её на руках, смотрела на это крошечное личико и буквально впечатывала в своё сердце каждую чёрточку.

И вдруг вспомнила, что нужно же сообщить Игорю! Я так сильно погрузилась в своё эгоистичное счастье и совершенно забыла, что муж находится в полном неведении с той самой секунды, как оставил меня в приёмном покое.

Набрав его, я тихо сказала, что полчаса назад родила. Он спросил, как всё прошло, в порядке ли МЫ? Я ответила, что всё благополучно. И в этот момент Алина закричала прямо рядом с телефоном. В динамике повисла долгая, звенящая тишина, а затем раздалось отчётливое, прерывистое шмыгание носом.

«Он будет прекрасным отцом», — пронеслось у меня в голове.

Глава 2

Март 2026

Сегодняшний день я с безысходным страхом ожидала последние полгода. Родители мужа уехали на постоянное место жительства в Краснодарский край, выбрав своим новым домом город Ейск. Они грезили этим переездом ещё с момента нашего знакомства.

Их семья жила в Донецкой области до 2015 года. Жизнь там была нелёгкой. Отец с матерью круглосуточно пропадали на тяжёлой и при этом низкооплачиваемой работе — на кирпичном заводе. Это было единственным производством в их небольшом посёлке, и больше особо некуда было податься. Игорь, только окончив техникум, тоже устроился на этот завод, быстро заслужил уважение начальства и какое-то время зарабатывал даже больше, чем родители. Но этого всё равно было недостаточно для беззаботной жизни. Младший сын Виталия ещё учился в школе.

Когда в 2014 году начались серьёзные политические проблемы, многие семьи стали уезжать в Россию. В их числе были и близкие друзья родителей, которые к тому же жили с ними в одном подъезде. Семья, состоящая из мужа с женой, старшего сына — ровесника Игоря — и младшей доче-

ри восьми лет, по совету знакомых сразу направились в мой родной город Новокузнецк в Кемеровской области. Этот выбор был сделан исходя из нескольких прагматичных пунктов: в Кузбассе довольно легко получить гражданство из-за оттока населения, к тому же здесь огромное количество тяжёлых производств. Заводы, шахты, разрезы — работающим мужикам в этом городе всегда найдётся место.

Семья Савейко до последнего не была готова покидать родину. Они отчаянно надеялись переждать страшные события и поскорее вернуться к обычной жизни. Но ситуация ухудшалась с каждым днём: конфликт усиливался, военные действия добрались до их местности, происходил уже настоящий беспредел, бомбили водонапорные башни, оставляя людей без водопровода. Зарплату на заводе стали задерживать по несколько месяцев, а порой и вовсе выдавали провиантом вместо денег.

Прожив почти год под звуки взрывов и изо дня в день, таская воду в квартиру из уличного колодца, родители всё же приняли тяжёлое решение уезжать. Но Игорь и слышать об этом ничего не хотел:

— Езжайте, а я остаюсь! Если надо будет — и сам пойду в ополчение!

Зная его упрямый характер, родители бросили бесплодные попытки его уговорить и молча начали собирать чемоданы. В его последнюю смену на кирпичном заводе начальство, уже давно сходявшее с ума от непрекращающегося на-

пращения, выдало Игорю унижительное указание — разгрести лопатой грязную яму с отходами от производства, образовавшуюся в цеху. Он, ругаясь и ворча, взял лопату, встал над этой ямой, посмотрел в липкую темноту и вдруг подумал: «Да какого чёрта я должен унижаться и грести лопатой какое-то дерьмо в этой прогнившей конторе?!».

Он со злостью отшвырнул лопату в сторону, развернулся, подошёл к начальнику и коротко отрезал:

— Я ухожу.

И просто пошёл домой. Придя в квартиру и увидев пакующих вещи родителей, он глухо произнёс:

— Я еду с вами.

Несмотря на призывы друзей ехать сразу в Сибирь, они решили попытать счастья сперва в Орловской области, затем в Таганроге. Но везде Савейко сталкивались с тяжелейшими испытаниями, буквально выживая на грани нищеты. А потом судьба привела их на юг, в Ейск. Там они наконец-то смогли немного выдохнуть. Мужская часть семьи устроилась в строительную бригаду, а мама пошла работать в столовую. Денег хватало, климат был подходящий, у них появились близкие друзья. Но спустя два года ребром встал вопрос о гражданстве. В переполненном, Краснодарском крае оформить российские паспорта было невероятно сложно, долго и безумно дорого.

И тогда они направились в Сибирь.

Друзья, уже пустившие здесь корни, помогли отцу с Иго-

рем устроиться на угольный разрез, Виталию зачислили доучиваться в вечернюю школу, а мама стала работать в пекарне. Вскоре они благополучно оформили гражданство и купили в ипотеку квартиру. Но душой вся их семья продолжала тянуться назад — в Ейск, город, в котором они прожили своё лучшее, самое счастливое время.

Со дня нашего знакомства с родителями Игоря у нас сложились прекрасные, удивительно тёплые отношения. Све-кровь со временем стала мне второй мамой, в чём-то даже более близкой и понимающей, чем моя родная. Мы могли часами болтать обо всём на свете, делиться любыми новостями. Она никогда не навязывала мне своё мнение и с неизменным уважением относилась к моим решениям. Даже если наши ссоры с Игорем доходили до неё, она всегда мудро вставала на мою сторону и аккуратно старалась нас помирить.

А теперь я осталась без своего главного, надёжного помощника.

Апрель, 2022

Мы с Игорем пошли прогуляться и заодно зайти в магазин за продуктами. У него был выходной, погода стояла тёплая, но пасмурная, повсюду шумно текли весенние ручьи впере-мешку с грязным, тающим серым снегом. Игорь сам катил коляску, а я шла рядом и буквально не знала, куда деть соб-

ственные руки — они так сильно привыкли всегда лежать на ручке коляски.

Мы решили дойти до аллеи, которая находилась минутах в двадцати от нашего дома. Бывали мы там довольно редко, потому что отходить от своего двора дальше, чем на расстояние пяти минут, мне было страшно. Алина всегда спала очень чутко и беспокойно. В любой момент эта «бомба замедленного действия» могла взорваться, и тогда начинался истошный, захлёбывающийся ор. Никакие качания коляски, уговоры и улюлюканья на неё не действовали. Единственным надёжным способом её успокоить было немедленное прикладывание к груди, чего делать на людной улице я категорически не хотела. В лучшем случае могло сработать обычное укачивание на руках, но стоило после этого попытаться переложить дочку обратно в коляску — мгновенно раздавался оглушительный визг.

Возле аллеи был магазин, мы зашли в него и стали выбирать продукты. Уже на подходе к кассе Алина начала беспокоиться, всё активнее разгоняясь от недовольного ворчания к лютой истерике. Игорь судорожно тряс коляску и безостановочно, как заведённый, произносил:

— Тищищищи, тищищищи, тищищищи...

Бегом побросав продукты в сумку и расплатившись, мы буквально вылетели на уличный воздух. Но было поздно — Алина уже орала во всю мочь. Нервно, торопливо, почти срываясь на бег, мы двигались в сторону дома под непрекраща-

щающиеся вопли из коляски. В какой-то момент Игорь не выдержал и злобно вскрикнул на всю улицу:

— Задолбала уже орать как припадочная!

Во мне мгновенно бешеным пламенем зажёгся праведный гнев:

— Ты говоришь о своём ребёнке! — закричала я в ответ. — Как у тебя язык вообще поворачивается такие гадости произносить в адрес собственной дочери?!

— Да потому что невозможно даже в магазин сходить нормально! Каждый раз одна и та же фигня!

— А мне, думаешь, это нравится?! Я круглосуточно, один на один с ней, успокаиваю эти истерики, пока ты вечно пропадаешь на работе или сидишь, уткнувшись в компьютер!

— Может, мне теперь и на работу нельзя ходить?! — Игорь резко затормозил коляску. — Я для вас же стараюсь, впахиваю, чтобы заработать побольше! А ты только транжиришь все деньги на свои маркетплейсы, и мозги мне вечно пилишь!

— Да я, по-твоему, шмотки и безделушки там себе покупаю, что ли?! — слёзы брызнули из моих глаз. — Я всё только для ребёнка или для дома беру! И то подешевле выбираю, каждую копейку высчитываю, чтобы бюджет экономить!

Алинка затихла, словно прислушиваясь к нашему спору.

— Да, конечно, — презрительно бросил Игорь и покачал головой, возобновив шаг.

— Что «конечно»?! Что «конечно»?! Ты уже просто ка-

кую-то чушь несёшь, лишь бы обвинить меня во всём на свете!

— Да это ты только и делаешь, что постоянно претензии высказываешь! Вечно всем недовольна, всё тебе не так, всегда!

— Да потому что мне тяжело! — я окончательно разрыдалась. — Я не вижу от тебя вообще никакой поддержки! Ты ни в чём не участвуешь: по дому не помогаешь, с ребёнком тоже. Да ты даже подгузник ни разу ей не менял за все восемь месяцев! Ни разу!

— Девочку моет мама, — жёстко отрезал он. — И у меня нет титки, чтобы успокаивать её постоянные вопли. А для домашних дел я купил тебе посудомойку, робот-пылесос, электрошвабру! Всё покупаю, что ты ни попросишь, лишь бы облегчить тебе этот быт! И хватит орать на всю улицу как больная!

— Да пошёл ты! — гневно выпалила я, не успев даже подумать, что именно срывается с моих губ.

Дома мы оба молча и угрюмо продолжали свою обычную жизнь, делая вид, что вообще не замечаем друг друга. Вечером я намеренно не стала собирать ему обед на работу, зная, что сам он этого делать не будет. «Ну и пусть голодает! — мстительно подумала я. — Заслужил!».

Весь следующий день, пока он был на работе, я провела в слезах и тяжёлых переживаниях. «Господи, да за что мне такой муж достался? — крутилось в голове. — Почему у дру-

гих мужчины и по дому всё делают, и с детьми сидят, и сами спать укладывают, и слова грубого не скажут? А этот бесчувственный робот совершенно меня не жалеет. Ему плевать на то, как мне тяжело всё тянуть одной, плевать на мои чувства и страхи. Он даже не видит, насколько я уже близка к депрессии, что меня нужно спасать, пока я не вышла в окно... Интересно, если бы со мной, правда, такое случилось, он бы хоть немного почувствовал себя виноватым?».

Ближе к вечеру позвонила его мама — узнать, как дела. Поспрашивав про Алинку, она как бы между прочим поинтересовалась:

— А что там Игорь, когда собирается заехать к нам за своим перфоратором?

— Не знаю, мам, — вздохнула я. — Мы не разговариваем второй день.

— Да что за скотина такая, упрямая! Опять над тобой издевается!

— Ой, не говорите. Никакого слادا с ним нет.

— Это всё порода их противная Савейковская, ну один в один папаня свой, — припечатала свекровь.

Я издала ироничный смешок, не зная, что ещё на это ответить.

— Я позвоню ему сегодня, поговорю, чтобы прекращал мне девчонок обижать!

— Спасибо, мам, но думаю, не стоит, — поспешила остановить её я. — Скажет ещё, что я вам жалуюсь, сор из избы

выношу. Нехорошо как-то...

— Не переживай, Инночка, я не скажу, что о вашей ссоре знаю. Позвоню ему вроде как про перфоратор спросить и невзначай на разговор про тебя выведу.

— Спасибо.

— Всё хорошо будет. Не принимай близко к сердцу. Ну что поделаешь, такой вот характер гадкий. Я с таким же сколько лет уже живу — как-то привыкла, не обращаю внимания.

— Да, ничего с ними не поделаешь...

— Я приеду послезавтра, погуляю с Алинкой, отдохнёшь от неё немного.

— Хорошо!

Я была благодарна, что она не стала вдаваться в подробности о нашей ссоре и поддержала меня. А предвкушение её скорого визита и возможности остаться без ребёнка дома на пару часов и хоть немного прибраться приподняло мне настроение.

Когда вечером Игорь пришёл с работы, я с холодным и гордым видом проходила мимо него, принципиально не позаботившись о его ужине. Но в глубине души всё же теплилась глупая надежда, что он сам заговорит со мной и попробует попросить прощения. Прямым текстом извинений Игорь, конечно, никогда не скажет. Я даже порой шутила про себя, что если он хоть один раз в своей жизни произнесёт вслух слово «прости», у него сразу губы немеют от непри-

вычного произношения.

Однако Игорь также демонстративно не замечал меня. Похоже, разговор с мамой на него никак не повлиял. Перед сном он молча забрал свою подушку с одеялом и ушёл спать в зал, на диван. Это стало для меня последней каплей. Полночи крутись в одинокой кровати и глотая слёзы, я твёрдо решила: больше я не хочу жить с этим ужасным, чёрствым человеком.

Утром, пока Игорь сидел за компьютером и играл, я молча собрала основные вещи — свои и Алины. До предела нагрузила коляску и вышла из дома в весеннюю слякоть. Чёткого плана, что делать дальше, у меня не было.

Я шла к автобусной остановке и размышляла.

Ехать к своим родителям мне было невыносимо стыдно. Я никогда не посвящала их в наши семейные сложности, перед ними мне до последнего важно было сохранять фасад абсолютного благополучия. К его родителям — тоже неловко, да и места для нас там физически не было: у них и без того сейчас жили бабушка с тётей (сестрой мамы), которые недавно тоже покинули родину. К моей сестре — не вариант. Они с мужем так зациклены на своём домашнем комфорте, что врываться в их тихую, уютную жизнь с моим требовательным, плачущим ребёнком, казалось, почти кощунством.

Единственным вариантом, видевшимся мне более или менее подходящим, было поехать к моей бабушке. Она живёт

одна, часто жалуется на одиночество и просит навещать её почаще. Бабушка довольно понимающая, она сможет принять нас на какое-то время без лишних упреков.

Чтобы добраться до неё, мне нужно было сначала сесть в автобус до центра города, доехать до вокзала — это около часа пути, — и уже оттуда пересаживаться на другой маршрут. Ещё ни разу в жизни я не ездила в общественном транспорте вместе с коляской и маленькой Алиной. Но что поделаешь, всё когда-то бывает впервые. На ходу я лихорадочно продумывала, как именно стану заезжать в салон автобуса, у кого попрошу помощи, как поставлю коляску, чтобы она никому не мешала. А если Алина проснётся — возьму её на руки и буду укачивать.

Подойдя к остановке, я решила, что действительно на это готова. Но почему-то пропустила первый же подошедший автобус.

«Поеду на следующем, — успокоила я себя. — Пока ещё погуляю вокруг, пусть Алина уснёт крепче». Прошёл второй автобус, третий... А я всё никак не могла решиться шагнуть на эту подножку подъехавшего автобуса.

Прослонявшись в полном оцепенении ещё какое-то время по холодным улицам и окончательно замёрзнув, я медленно повернула обратно к своему двору. Я зашла домой, стыдливо опустив голову, как побитая собака.

Глава 3

Апрель 2026

После отъезда свёкров я постоянно оставалась с детьми одна. Алина регулярно хватала в саду очередные вирусы, и мы снова садились на бесконечный больничный. Игорь всё свободное от работы время проводил в гараже — занимался машиной и разборкой скопившихся там за зиму вещей.

Просидев с обеими дочерьми дома уже несколько дней без возможности выйти в люди, я стояла у плиты и варила эти так надоевшие мне макароны — единственное, что девчонки готовы были есть всегда. Из зала внезапно донеслись Никины пронзительные вопли. Я вбежала в комнату и увидела: Алина сильно лупила годовалую сестру ладонью по спине. Ника плакала, сидя посреди разбросанных картонных пазлов.

Я резко отдернула руку Алины, схватила ревущую Нику и грозно спросила:

— Что случилось?!

— Она мои пазлы раскидала! Ника плохая! Она мне вообще не нужна! — злобно закричала Алина.

— Ника не плохая! — гневно ответила я, чувствуя, как внутри закипает привычная волна раздражения. — Нечего

было доставать пазлы при ней! Ты же прекрасно знаешь, что она маленькая и ещё не понимает твоих занятий!

— Нет, она плохая! — начала реветь Алина.

Я со вздохом унесла Нику в другую комнату, мягко погладила её по волосам, нежно поцеловала в тёплый лобик. Она быстро успокоилась и уже потянулась слезть с моих рук, мгновенно заинтересовавшись какой-то игрушкой, валяющейся на полу.

Я вернулась на кухню, слила воду с макарон, а в голове упрямо крутилась мысль: «Нужно было показать Алине, что я понимаю её чувства. Сказать: я вижу, как ты расстроена, что она раскидала твои пазлы, которые ты так долго пыталась собрать. Мне очень жаль, что тебе приходится терпеть неудобства оттого, что Ника ещё слишком маленькая...».

И вот из зала раздался новый вопль, уже Алинин, а затем — звонкий звук хлёстких шлепков и истошный Никин плач.

Я снова вбежала к ним, выхватила Нику и в бешенстве начала кричать на старшую:

— Хватит бить сестру, ты, бессовестная хулиганка!

— Она меня укусила! — жалобно зарыдала Алина.

— Не надо было отбирать у неё игрушку! Пока она просто лежала на полу, она никому из вас не была интересна! А как только Ника взяла поиграть — сразу понадобилась тебе!

Алина взревела ещё сильнее, бросилась ко мне, ухватила за ноги, и сквозь слёзы начала причитать:

— Ты моя мама! Только моя! Не Никина!

Я бессильно опустилась на диван, усадила Нику на одну ногу, силой подтянула Алину за руку и посадила на вторую, пытаюсь обнять их обеих одновременно. Они ревели в три ручья и тут же начали яростно толкать друг друга, спихивая соперницу с моих колен и пытаюсь занять центральное положение. Я постаралась разделить их и зафиксировать по разным сторонам от себя, но визг только усиливался, и в ход снова пошли зубы и маленькие кулаки.

Не выдержав, я взорвалась. Резко вскочила, буквально скинув обеих с себя на диван, и в полном отчаянии крикнула на всю квартиру:

— Да как вы обе меня достали уже!

Я ушла в спальню, упала лицом в подушку и мысленно воскликнула: «Да что же это за кошмар! Когда уже они, наконец, перестанут ссориться и ревновать?! Зачем я постоянно срываюсь на Алину вместо того, чтобы применять цивилизованные педагогические методы, о которых я ведь знаю абсолютно всё?!».

Немного успокоившись, я разложила макароны по тарелкам и отнесла еду девчонкам в зал. Включила им мультики, а сама поспешила обратно в спальню. «Фух, хоть десять минут спокойно полежать в телефоне можно, пока они едят», — пронеслось в голове.

Но не прошло и пяти минут, как в комнату зашла Алина: — Мам, давай я сначала поем конфетки, а потом буду лапшу. Честно-честно!

— Нет! Хватит выпрашивать сладости. Поешь нормально, потом будут конфетки! — раздражённо ответила я.

Я, конечно, уже знала, что сейчас начнутся долгие торги, выпрашивания и слезы. Алина никогда не удовлетворяется обычным отказом. Она будет требовать, ныть и давить до тех пор, пока не получит своё. Спор продолжался. Окончательно обессилив от её мёртвой хватки и напора, я нервно подскочила с кровати и строго сказала:

— Только одну конфетку! А потом, чтобы сразу всё съела!

При этом я, конечно, прекрасно понимала, что ничего она не съест. Сейчас она проглотит эту несчастную конфету и тут же придёт просить вторую и третью...

Через какое-то время мы стали собираться на прогулку. Обычные сборы в нашем доме — это отдельный вид спорта. Я буквально бегаю по комнатам то за одной, то за другой дочкой, пытаюсь на ходу натянуть на них одежду и поправить растрепавшиеся причёски. Девчонки постоянно отвлекаются или, что ещё хуже, воспринимают мою вынужденную погоню за ними как весёлую игру и с диким хохотом убегают от меня в другой конец квартиры.

Спустя полчаса этих изнурительных сборов мы наконец-то вышли на улицу. Во дворе ещё не полностью сошёл снег. Половина детской площадки была покрыта обледелой коркой, а вторая утопала в глубоких лужах поверх тонкого, хрупкого льда. Алина с визгом понеслась к железной ка-

русели, схватила за ледяной поручень, изо всей силы раскрутила её по кругу и на ходу запрыгнула на неё. Ника своими ещё неуклюжими, пухлыми ножками в тяжёлых ботиночках настойчиво заковыляла в сторону сестры — прямо по скользким лужам. Я едва успела перехватить её перед самой каруселью, чтобы годовалого ребёнка не сшибло крутящейся машиной. Ника обиженно завизжала: она непременно хотела залезть туда же, к Алине. Пришлось тормозить карусель, усаживать младшую на сиденье и снова потихоньку, плавно раскручивать.

— Медленно! Слишком медленно! — тут же воскликнула Алина.

Я крутанула чуть быстрее — и в ту же секунду Ника бесстрашно отпустила поручни и начала вертеться на сиденье. Сердце ушло в пятки. Судорожно со скрежетом я остановила карусель, чтобы она не грохнулась. Алина опять завозмущалась: зачем остановила?!

Бесконечное «веселье».

Бегая кругами то за одной, то за другой дочкой, я постоянно, с надеждой поглядывала на въезд во двор — ждала, что вот-вот покажется машина Игоря. Но, так и не дождавшись его за всю прогулку, мы замёрзшие вернулись домой.

Через некоторое время Игорь приехал из гаража. Я привычно разогрела ему ужин, налила кофе и села напротив. Он ел и увлечённо рассказывал о своих переживаниях по пово-

ду предстоящей этим летом стройки на нашем участке.

В прошлом году мы купили землю. Мы давно мечтали о своём доме и просто не смогли пройти мимо невероятно привлекательного предложения. В нашем спальном районе есть коттеджная застройка в пешей доступности от многоэтажки, в которой мы живём. Участки там обычно стоят баснословных денег, и мы не первый год облизывались на редкие объявления о продаже в том месте.

Увидев предложение с ценой ровно в половину меньше обычной, мы тут же стали узнавать подробности, чтобы понять, в чём подвох. Оказалось, загвоздка в том, что эта земля находится не в частной собственности, а в аренде у муниципалитета. Договор аренды под индивидуальное строительство подразумевает, что после официальной регистрации на земле жилого дома арендатор получает право перевести весь участок в собственность. И срок этой аренды истекает в октябре 2027 года, а все законные возможности продления договора были уже полностью исчерпаны прежним хозяином.

Мы решили рискнуть. Участок был идеален по всем нашим параметрам. Мы надеялись, что успеем быстро построить там небольшой домик и зарегистрировать его, а после оформления документов спокойно, в своём темпе, переделаем этот временный дом под гараж и приступим к строительству полноценного большого семейного гнезда.

Но реальность быстро столкнула нас с суровым разочарованием. Мы банально не рассчитали масштаб строительства

даже этого маленького домика и сильно переоценили свои финансовые возможности. На одну только подготовку участка к стройке ушли почти все наши сбережения, а времени оставалось всё меньше. Это вызывало у Игоря колоссальное напряжение — он буквально не мог думать ни о чём другом. А я, измотанная бытом и детьми, сидела дома постоянно одна и не могла даже укорить его в постоянном отсутствии, ведь он делал это для нашей семьи, и назад дороги не было.

Я сидела напротив мужа и молча слушала, как его разрывает от тяжёлых размышлений: как всё успеть, где взять достаточно денег, какие работы сто́ит попытаться сделать самому, а на какие придётся нанимать людей. Игорь говорил о сметах, а я в это время безостановочно чесала свои руки с красной, растрескавшейся от экземы кожей.

Проблема с руками одолевает меня всю жизнь. Экзема то затихает на время, то разгорается с новой, бешеной силой. За столько лет я уже досконально выяснила все провоцирующие её факторы: контакты с водой, бытовой химией, холодом и, конечно же, стресс. Ни один из этих триггеров я никак не могла исключить из своей декретной жизни.

В тот вечер муж ушёл на работу в ночную смену. Дети, как обычно, сводили меня с ума. Нервная, дёрганая и раздражённая, я кое-как уложила спать годовалую Нику. В это время сквозь зубы рычала на Алину через дверь, чтобы она немедленно убиралась из комнаты и ждала, когда я освобо-

жусь. Младшая то и дело просыпалась, но когда она уснула достаточно крепко, я аккуратно вытащила у неё изо рта грудь и вышла в зал к старшей дочери с очередным наездом:

— Сколько раз я просила тебя не мешать укладывать Нику спать?! Неужели так сложно спокойно поиграть самой всего двадцать минут?!

Немного погодя раздражение утихло. Вина за собственный крик привычно кольнула изнутри, и я решила: пока есть возможность уделить личное время обделённой вниманием старшей дочери, я обязана поиграть с ней.

Я села на пол, но Алина тут же принялась командовать: как именно играть, куда встать, что говорить и что делать. Я покорно пыталась соблюдать её инструкции, но она постоянно кричала, раздражалась и топала ногами:

— Ты делаешь всё не так!

На что я то и дело шикала на неё:

— Да тише ты! Нику разбудишь! Хватит кричать!

А сама в это время сжималась от горьких мыслей: «Боже, бедный ребёнок... Она просто хочет играть и веселиться, что так естественно для её возраста. А я только и делаю, что затыкаю ей рот, ворчу, рычу и ругаюсь!».

С долгими уговорами и боем я, наконец, затащила её в ванну, подготовила ко сну и стала укладывать спать. Эта процедура заняла ещё около полутора часов — с бесконечными прерываниями чтения книжки на «попить», «покушать», «сходить в туалет» и тому подобное.

Когда Алина, наконец, заснула, на часах уже была почти полночь. «Ну когда же этот ребёнок будет вовремя ложиться? — с тоской думала я. — Все нормальные дети её возраста спят уже в десять вечера. А эта коза скачет вечно до полуночи, и это притом, что она днём вообще не спит!».

Когда обе дочери мирно спали, я выключила на кухне свет, открыла окно нараспашку, облокотившись на подоконник, и долго смотрела на вечерние огни улицы.

«Господи! Ну почему всё так?! — отчаянно и беззвучно вопрошала я, глядя на тёмное небо. — Почему мне так мучительно тяжело даётся это материнство? Почему моя старшая дочь, которую я так трепетно любила, так оберегала от любых её огорчений первые годы, сейчас не вызывает во мне ничего, кроме раздражения и разочарования? Почему я всё время злюсь на неё, наношу ей бесконечное количество душевных ран, полностью осознавая, как порчу ей детство, и у меня не получается вовремя себя остановить? Почему я не могу просто любить и получать радость от собственной семьи?».

Сама себе отвечая на эти вопросы, продолжала горько размышлять: «Да, я постоянно уставшая, у меня нет помощников, нет ни минуты передышки. Муж не помогает не потому, что не хочет — он действительно круглосуточно занят делами, которые направлены исключительно для нашего блага. Дети тоже не виноваты в том, что в их возрасте они неспособны самостоятельно удовлетворять свои потребности и жиз-

ненно нуждаются в мамином внимании, тепле и участии. Да и по дому я, если честно, не сказать, чтобы безостановочно что-то делаю — я давно бросила попытки поддерживать идеальную чистоту, осознав, что это бесполезно. Так почему же я тогда так смертельно устаю?! Ведь сколько в мире других мам в таком же положении, и далеко не каждая из них так мучится и страдает от своей же любимой семьи?».

Единственный вывод из этих ночных размышлений, сформированный пока ещё не прямо, но каким-то липким, тяжёлым фоновым чувством крутящийся в моей душе, был в том, что со мной что-то фундаментально не так.

А ведь когда-то я была совсем другой...

Июль 2019 год

Впервые за свои двадцать четыре года я живу одна. В квартире, которую самостоятельно снимаю, и сама себя полностью обеспечиваю. Три месяца назад я нашла силы поставить жирную точку и выйти из болезненных отношений с инфантильным парнем, которые длились пять лет и уже всю близились к свадьбе. До неё оставался один месяц, но вовремя осознав, что будущее с человеком, который панически боится брать на себя любую серьёзную ответственность, не обещает мне счастливой семейной жизни, я просто ушла.

Когда-то я полюбила его за фасадную интеллигентность, образованность и добросердечность. Но приближаясь к воз-

расту, в котором уже хочется не просто вести бесконечные интеллектуальные беседы, а строить крепкую семью, мне стало ясно: гораздо ценнее сильные мужские качества и надёжная опора.

Мой новый дом стал для меня уютным гнёздышком, которое я старательно и с любовью наполняла новыми вещами. Я начинала жизнь с чистого листа — от быта до внутреннего состояния.

Обрётённая свобода пьянила. Я словно заново училась дышать, принадлежать самой себе и тратить драгоценное время только на себя. В тот июнь я была в своей идеальной физической форме — хорошо постройневшая, с золотистым ровным загаром, бархатной кожей от кофейно-медовых скрабов, с безупречным маникюром и педикюром.

С огромным удовольствием я ходила по магазинам и покупала то, в чём так долго себе отказывала. Мой летний гардероб состоял из новых красивых вещей, которые подчёркивали эту звенящую лёгкость. И даже начала ярко красить губы, хотя раньше почти никогда этого не делала — мне хотелось подчеркнуть каждую грань своей возвращённой женственности.

Я жила в абсолютном, осознанном романе с собственной жизнью. Всё складывалось для меня наилучшим образом: увеличился доход, люди интуитивно тянулись ко мне, мир бережно предоставлял всё, чего бы я ни пожелала.

В этом великолепном, излучающем счастье состоянии я и

встретила его.

Первый раз я увидела своего будущего мужа, как это ни странно, звучит, у себя же дома.

В ту пятницу мы, как обычно, собирались встретиться тесной компанией подружек. Это давно стало нашим еженедельным, обязательным ритуалом. Обычно мы немного выпивали, весело болтали о своём, а ближе к полуночи отправлялись в ночной клуб — танцевать до самого утра.

Но в этот конкретный вечер парень одной из моих близких подруг внёс свои коррективы в наши планы.

Они с Лерой нашли друг друга на сайте знакомств и встречались четыре месяца. Как раз он и был тем самым сыном близких друзей семьи Савейко, с которыми они когда-то жили в одном подъезде на своей далёкой родине.

Саня позвонил Лере и предложил присоединиться к нашей женской компании вместе со своими друзьями. Мне, если честно, не очень хотелось видеть у себя дома незнакомых парней, но девчонки уговорили меня. Напудрив носик и накрасив губы, мы стали ждать приезда гостей.

— Ой, Инна, там такой друг у Сани классный, Антон! Он недавно из армии вернулся. Такой огромный лысый шкаф, суперсекси! — восторженно готовила меня Лера. — Он как сожмёт тебя своими ручищами — ты сразу растаешь!

— Лысый шкаф? Это же исключительно твой типаж! — смеясь, отвечала я. — Я амбалов как-то не особо люблю.

— Ну он правда классный! Не всё же тебе с дистрофиками

встречаться, пора и нормального мужика на себе испытать, — игриво сказала Лера, сверкая фирменной чертовщинкой в глазах.

Мы громко расхохотались.

— Ну а второй что за персонаж? — поинтересовалась я.

— Второй? Игорь, кажется. Тоже нормальный, я его только мельком видела. Они все трое оттуда, из Донбасса. Тамошние парни надёжные, крепкие и работающие, не то что наши местные белоручки.

— Ладно, посмотрим уж на твоих мужичков, сваха ты недоделанная, — отшучивалась я. — Так и пытаешься меня поскорее пристроить в надёжные руки.

— А чего добру пропадать? — весело констатировала Лера.

— А я и не пропадаю, — кокетливо улыбаясь, добавила я. — Как раз живу наконец свою лучшую, абсолютно свободную жизнь. И уж чего-чего, а ухажёров мне сейчас и так хватает.

— Это точно! — вздохнула подруга. — Только все они пока не сильно лучше твоего бывшего мямли.

Раздался звонок в домофон. Я слегка засуетилась, поспешно поправляя свои пёрышки и пытаюсь принять как можно более естественное положение на стуле, чтобы не выдать, как на самом деле взволнована приходом гостей. В своих коротких белых шортах и розовой облегающей блузке с ажуром я уселась, поджав к себе одну ногу и поставив её на

стул.

Трое парней шумно зашли в прихожую, расположенную напротив зала. Я повернулась и оглядела вошедших беглым, оценивающим взглядом.

С Лериным парнем Саней я уже была знакома. Коренастый богатырь с красивым лицом и наголо бритой головой — очень громкий и активный, он умел с первой секунды завести свободный разговор и расположить к себе любого собеседника. Второй, Антон, действительно выглядел как монументальный шкаф. На голову выше Сани и ещё шире в плечах, с крупными, грубоватыми чертами лица. Третий же казался самым обычным парнем: среднего роста и телосложения, с чёрными, коротко стриженными густыми волосами и такими же соболиными бровями над большими глазами. Его нижней челюсти немного не хватало брутальности из-за мягкой, округлой формы, но густая чёрная щетина компенсировала это впечатление, добавляя его облику мужественности.

Я вышла к гостям, тепло поздоровалась и перехватила тяжёлый пакет с бутылкой виски и двумя бутылками колы из рук Сани. Маша тоже подошла поздороваться. Лера быстро представила нас друг другу, и я гостеприимным жестом пригласила всех располагаться в зале — на диване и стульях вокруг небольшого овального журнального столика. А сама поспешила на кухню за стаканами и тарелками для закусок. Лера тут же коршуном полетела за мной.

— Ну как тебе?! — с нетерпением зашептала она, дёргая меня за руку.

— Да пока никак, я ещё даже разглядеть их толком не успела! Что ты от меня хочешь? — тихо смеялась я, доставая стаканы.

— Ну первое впечатление хотя бы скажи! Антон — секси же, ну?

— Да не знаю я пока, отстань!

Парни щедро разлили по стаканам напитки, смешав виски с колой. Общение завязывалось удивительно легко, фоном тихо играла музыка из моего плейлиста.

В образовавшуюся небольшую паузу Игорь спокойно поднялся с дивана и обратился ко мне:

— А где тут у вас уборная?

Мой внутренний интеллигент мгновенно зацепился за эту фразу. «Надо же, какой вежливый! — пронеслось в голове. — Парни его круга обычно нечасто обременяют себя культурным обращением с девушками».

Я решила ответить ему в той же манере:

— Пройдёмте, я вас провожу в нашу уборную!

Мы оба поулыбались друг другу, и я кокетливо показала ему на дверь туалета.

По мере выпитого алкоголя разговоры становились всё громче и оживлённее, а мы все стремительно раскрепощались. Лера снова увела меня на кухню под благовидным предлогом — принести ещё льда для коктейлей.

— Я смотрю, к Антону ты как-то не особо расположена?
— заговорщически спросила она.

— Если честно, он вообще не в моём вкусе, — отрезала я. — Ни внешне, ни по общению. Хамоватый какой-то.

— Ну он ведь только-только из армии вернулся, его забрали сразу, как он гражданство получил. А там без женского общества парни немного грубеют... Ну а как тебе Игорь?

— Вот он — весьма приятный парень, — просто бросила я, уходя от расспросов.

Вечер продолжался. Постепенно и совершенно незаметно для нас наше общение с Игорем стало отделяться от общего шума компании. Мы начали говорить обо всём на свете — от секретов маринада для шашлыка до серьёзного желания иметь детей в будущем, — и с огромным удивлением находили друг у друга слишком много общего. В мыслях, вкусах, во взглядах на жизнь, в каких-то фундаментальных внутренних ориентирах...

В один момент Игорь вдруг весело воскликнул, внимательно всматриваясь в меня:

— Слушай, а ты, случайно, не Дева по гороскопу?

— Дева, — удивилась я. — А ты, случайно, не Овен?

— Овен.

Повисла короткая, многозначительная пауза. Мы смотрели друг другу прямо в глаза, читая в них взаимный восторг и какое-то глубокое чувство узнавания — словно мы знали друг друга уже тысячу лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.